„Пров 38.
Александръ Аполлоновичъ
МАНУИЛОВЪ.
Постников 2/I 0.

Указъ 15 ноября 1906 года и его послѣдствія.

Составленная по закону 3-го іюня, третья государственная дума должна вскорѣ осуществить свое назначеніе и выполнить главнѣйшую задачу, порученную особому ея вниманію правительственной декларацією. По слухамъ, думская комиссія, разсматривающая земельныя мѣропріятія правительства, одобряетъ, въ общемъ, всѣ его начинанія:—и то, что издано въ порядкѣ 87 ст. осн. зак., и то, что представлено въ качествѣ законопроектовъ, имѣющихъ измѣнить дѣйствующее Положеніе о крестьянахъ. Важнѣйшее значеніе среди этихъ произведеній законодательнаго творчества имѣютъ, безъ сомнѣнія, Высочайшіе указы 9 и 15 ноября 1906 г., изданные послѣ роспуска 1-й государственной думы и находящіеся въ тѣсной связи между собою. Законъ 9 ноября, направленный на бытовыя формы крестьянскаго землевладѣнія, получаетъ особенную силу послѣ изданія второго указа, который устанавливаетъ способы для болѣе дѣйствительнаго и возможно быстраго осуществленія его разрушительной задачи.

При чтеніи отдѣльныхъ постановленій указа 15 ноября «о выдачѣ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель», невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ руководилось правительство при изданіи этого законоположенія и чего оно ожидало отъ него?

Изъ вводной части самого указа мы узнаемъ, что было признано полезнымъ сохранить въ силѣ ограничительное правило закона 14 де-

кабря 1893 г., которымъ воспрещалось отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить выдачу ссудъ подъ эти земли изъ крестьянскаго банка. Отъ такого разрѣшенія ожидалось, что «при благоразумномъ использованіи предоставляемаго крестьянамъ новаго вида государственнаго кредита, настоящая мѣра облегчитъ имъ возможность полученія, необходимыхъ для расширенія землевладѣнія и улучшенія землепользованія, денежныхъ средствъ...» Запрещеніе отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ удерживается на будущее время, разумѣется, въ цѣляхъ охраненія крестьянскихъ интересовъ и приданія большей устойчивости ихъ землевладѣнію. О такомъ намѣреніи свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, объяснительная записка минист. внутр. дѣлъ къ представленному въ думу проекту «Положенія о крестьянахъ», въ которой сказано, что «въ такой охранѣ закона надѣльный фондъ нуждается и на будущее время, какъ въ виду особаго назначенія надѣльныхъ земель, такъ и въ виду того, что мелкое крестьянское землевладѣніе у насъ еще недостаточно окрѣпло и не можетъ еще самостоятельно существовать и нормально развиваться безъ нѣкоторой государственной поддержки». Но если это такъ, то при разрѣшеніи залога надѣльной земли въ казенномъ кредитномъ учрежденіи нельзя, конечно, игнорировать этихъ благихъ цѣлей и неизбѣжно столь же бережно относиться къ интересамъ крестьянъ. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей закона покажетъ, въ какой мѣрѣ онъ удовлетворяетъ этому требованію; но уже и въ цитированныхъ здѣсь строкахъ изъ его вводной части вниманіе невольно останавливается на томъ, что разрѣшаемый крестьянамъ кредитъ долженъ дать имъ необходимыя денежныя средства «для рас-

ширенія землевладѣнія» и для «улучшенія землепользованія». Задача расширять крестьянское землевладѣніе съ помощью залога надѣльныхъ земель, — довольно страннаго свойства, и каждый, освѣдомленный о значеніи и послѣдствіяхъ ипотечнаго кредита, долженъ отнестись съ большимъ недовѣріемъ къ задуманному правительствомъ плану. Что касается до проекта «улучшенія землепользованія», съ помощью средствъ, вырученныхъ отъ залога надѣльныхъ земель, то истинное значеніе этого оригинальнаго предложенія можетъ быть выяснено послѣ разсмотрѣнія относящихся къ тому постановленій.

Въ какихъ случаяхъ и для чего законъ разрѣшаетъ банку выдавать крестьянамъ ссуды подъ залогъ ихъ надѣльной земли? Ст. 7 указа разрѣшаетъ выдачу такихъ ссудъ въ слѣдующихъ случаяхъ: «1) для уплаты за надѣлы, оставляемые крестьянами, переселяющимися на новыя земли; 2) для пополненія той части покупной цѣны за земли, пріобрѣтаемыя съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка, которая не покрывается ссудою банка, выдаваемою подъ залогъ покупаемой земли и 3) на покрытіе вызываемыхъ улучшеніемъ землепользованія расходовъ: а) при переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; б) при разселеніи обществъ на отдѣльные поселки или хутора; в) при раздѣлѣ обществами надѣльныхъ земель на отрубные участки и г) при отводѣ къ однимъ мѣстамъ черезполосныхъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ».

Ссудами для указанныхъ цѣлей подъ залогъ надѣльной земли могутъ пользоваться, согласно ст. 1 закона, сельскія и селенныя общества, владѣльцы подворныхъ участковъ, домохозяева, выдѣлившіе свои надѣлы изъ общины, и товари-

щества крестьянъ, спеціально образующіяся «для пріобрѣтенія надѣльной земли». Словомъ, къ совершенію займовъ приглашаются какъ отдѣльные крестьяне, такъ и разныя группы ихъ.

Первый поводъ къ займу является въ случаѣ необходимости вознаградить переселяющихся на «новыя земли». Противъ этого способа «вознагражденія» нельзя возразить ничего, если только допустить, что ни къ какому другому прибѣгнуть не желаютъ и не думаютъ способствовать возникновенію у насъ пріемовъ помощи переселяющимся, хотя бы аналогичныхъ съ тѣми, какіе издавна существовали у нашихъ нѣмцевъ колонистовъ.

Указанный въ п. 2 ст. 7 поводъ къ заключенію займовъ возбуждаетъ большія сомнѣнія. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что допускать залогъ надѣловъ ради пріобрѣтенія недостающей земли, значитъ, отказываться отъ болѣе совершенныхъ способовъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и сваливать исключительно на плечи обезсиленныхъ крестьянъ дѣло первостепенной государственной важности. Правильное обезпеченіе населенія землею отнюдь не можетъ быть осуществлено путемъ добровольныхъ прикупокъ, случайныхъ и неподчиненныхъ общему плану. Въ результатѣ такихъ несогласованныхъ между собой пріобрѣтеній могутъ оказаться послѣдствія въ высокой степени не желательныя и во многихъ случаяхъ прямо разорительныя для цѣлыхъ селеній, сосѣднія земли кототорыхъ будутъ скупать крестьяне дальнихъ деревень и—притомъ не столь нуждающіеся въ землѣ. Предоставляя частной иниціативѣ важнѣйшее дѣло распредѣленія населенія по территоріи страны и разрѣшая залогъ надѣла для пополненія той части покупной цѣны, которая не покрывается ссудою крестьянскаго банка, выда-

ваемой подъ залогъ пріобрѣтаемой земли,—законъ лишь искусственно возвышаетъ цѣну на земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствуетъ развитію пагубной спекуляціи. Во что можетъ выродиться въ самомъ дѣлѣ, хотя бы одно это постановленіе ст. 1-й, которая разрѣшаетъ составлять товарищества изъ крестьянъ спеціально для пріобрѣтенія надѣльной земли? Согласно ли такое разрѣшеніе съ увѣреніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, будто «надѣльныя земли, какъ имѣющія государственное значеніе и служащія обезпеченіемъ быта крестьянъ, и нынѣ не должны составлять предмета свободнаго оборота?...» Слова эти, высказанныя въ представленіи министерства въ государственную думу по проекту «Положенія о крестьянахъ», находятся въ явномъ противорѣчіи съ постановленіемъ указа 15 ноября, ведущимъ неизбѣжно къ появленію самой усиленной мобилизаціи.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія п. 3 ст. 7, въ которомъ перечисляются случаи займовъ, будто бы вызываемые у л у ч ш е н і е м ъ землепользованія. Указанные въ этомъ пунктѣ четыре повода къ тому находятся въ тѣснѣйшей связи съ постановленіями указа 9 ноября и должны быть сопоставлены съ нимъ. Изъ такого сопоставленія совершенно ясно, что перечисленные въ п. 3 поводы къ заключенію гипотечнаго займа—только разные способы вознагражденія тѣхъ, кто выходитъ изъ общины и кто осуществляетъ идею указа 9 ноября. Какое иное значеніе имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, постановленіе лит. *а* п. 3, которое разрѣшаетъ крестьянамъ совершать заемъ подъ залогъ надѣльной земли въ томъ случаѣ, если они перейдутъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному? Вѣдь для такого перехода, кромѣ соотвѣтствующаго приговора и, можетъ быть, составленія плана участковъ, ровно ничего не по-

требуется. Какія крупныя траты имѣли въ виду составители закона, которыми оправдывалась бы необходимость прибѣгать въ данномъ случаѣ къ помощи гипотечнаго кредита, ложащагося всегда тяжелымъ гнетомъ на землю? Рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній къ обремененію такимъ долгомъ надѣльной земли, только-только освободившейся отъ тяжести выкупныхъ платежей.

Сельское населеніе искушается теперь вновь обременить ее и—ради чего? Законъ называетъ переходъ къ подворному владѣнію улучшеніемъ землепользованія. Но все это улучшеніе будетъ состоять лишь въ томъ, что домохозяева, выражаясь словами указа, «укрѣпятъ» за собою въ личную собственность причитающіяся имъ части мірской земли. Эти части земли перейдутъ въ ихъ собственность въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ находились въ ихъ пользованіи до сихъ поръ, т. е. поступятъ имъ въ собственность тѣ же разбросанныя по разнымъ частямъ поля полосы, какими домохозяева обладали и прежде. Кромѣ объявленія этихъ полосъ находящимися въ личной собственности, никакого другого акта по лит. *а* ст. 3 для улучшенія землепользованія не требуется. Но и опытъ нашей собственной страны, и опытъ Западной Европы свидѣтельствуетъ о томъ, что рекомендуемое этимъ пунктомъ улучшеніе землепользованія въ дѣйствительности является тѣмъ его видомъ, противъ котораго обычно направлено всего болѣе обвиненій. Неоспоримые факты удостовѣряютъ, что при такой формѣ обладанія землею и возникаетъ обыкновенно та вредная черезполосица, которая ставитъ владѣльцевъ во взаимную другъ отъ друга зависимость и препятствуетъ всякому проявленію индивидуальнаго почина.

Вредное вліяніе на прогрессъ земледѣлія именно этой рекомендуемой у насъ теперь формы

землепользованія общепризнано на Западѣ, и тамъ считается, въ настоящее время, недопустимымъ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, безъ производства одновременно работы по аррондированію или соединенію полосъ. И такое требованіе совершенно понятно. Способъ пополоснаго пользованія, обычный при общинномъ землевладѣніи, не ведетъ за собой появленія вреднаго вида черезполосицы, — столь нерѣдко наблюдаемой при господствѣ частной собственности на землю,—такъ называемой, черезполосности с п е ц і а л ь н о й, при которой возникаетъ принудительный сѣвооборотъ (Flurzwang). Порядокъ распредѣленія земли, дѣйствительно существующій въ нашихъ общинахъ, показываетъ, что мірское владѣніе, обычно, не имѣетъ свойствъ, ведущихъ къ подобной черезполосицѣ, и всякое появленіе ея здѣсь, по общему правилу, уничтожается въ зародышѣ. Этимъ именно и объясняется правильное раздѣленіе пахотной общинной земли, вполнѣ аналогичное съ порядкомъ, который устанавливается при аррондированіи земель частныхъ собственниковъ по нассауской или южно-германской системѣ разверстанія. По свидѣтельству компетентнаго юбилейнаго изданія баварскаго сельскохозяйственнаго союза (Die Landwirtschaft in Bayern): «только со времени осуществленія свободы мобилизаціи земельной собственности, слѣдовательно, только въ новѣйшее время могли выступить въ хозяйственной политикѣ на первый планъ какъ недостатки чрезмѣрнаго раздробленія земли, такъ и выгоды отъ округленія владѣній». Мы имѣемъ многія свидѣтельства о томъ, какъ при черезполосномъ владѣніи и при господствѣ частной собственности на землю необходимо, для установленія порядка, обращаться къ пріемамъ, дѣйствовавшимъ еще

въ старину, когда существовало общинное владѣніе. Интересныя свѣдѣнія по этому поводу можно найти, между прочимъ, въ отчетахъ, которые опубликовалъ Verein für Socialpolitik еще въ 80-хъ гг. Такъ, въ III т. (Bäuerliche Zustände in Deutschland) изъ данныхъ, сообщенныхъ Шрейберомъ и касающихся Нижней Франконіи, мы узнаемъ: «На вопросъ о томъ, существуетъ ли въ данной мѣстности (Bez. Mellrichstadt) вредный видъ черезполосицы, слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Именно, вслѣдствіе такой черезполосицы, фактически господствуетъ принудительный сѣвооборотъ, хотя по закону каждый собственникъ вправѣ совершенно свободно распоряжаться своей собственностью. Правда, въ нѣкоторыхъ обществахъ представитель политической общины, т. е. общинное управленіе, беретъ на себя надзоръ за соблюденіемъ распорядка полевыхъ работъ, который былъ установленъ уже столѣтія тому назадъ. Общинное управленіе опредѣляетъ именно время для начала обработки, а также и для уборки хлѣба— отдѣльно въ той или другой части поля, и поселяне подчиняются этому распоряженію. Въ другихъ обществахъ, гдѣ органы общиннаго управленія не берутся наблюдать за сохраненіемъ порядка и послѣдовательности въ полевыхъ работахъ, тамъ, однако, настолько еще сильна установленная въ давнія времена практика, что жители готовы и теперь соблюдать правила, имѣвшія прежде обязательную силу. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, весь этотъ порядокъ покоится на добровольномъ согласіи всѣхъ собственниковъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока не явится, хотя бы только одинъ, «несносный» сосѣдъ, который не пожелаетъ подчиниться добровольно установленнымъ распорядкамъ. Тогда возникаетъ общая неуря-

дица и рядъ процессовъ, въ результатѣ которыхъ является непримиримая вражда и разнообразный ущербъ». Законъ 9 ноября, отмѣняя общину и укрѣпляя въ собственность домохозяевъ разбросанныя полосы, устанавливаетъ землепользованіе, изъ котораго при свободѣ мобилизаціи развивается именно подобная вредная черезполосица со всѣми ея неблагопріятными послѣдствіями для сельскаго хозяйства. И такое землепользованіе называется улучшеннымъ, а чтобы склонить населеніе перейти къ нему,—даютъ право на полученіе ссуды изъ крестьянскаго банка. Какъ по справедливости, слѣдовало бы назвать этотъ пріемъ аграрнаго устроительства?

Весьма мало основательны также и займы, которые будутъ разрѣшаться согласно лит. *в* и *г* п. 3 той же ст. 7, а именно,—«при раздѣлѣ обществами надѣльныхъ земель на отрубные участки» и «при отводѣ къ однимъ мѣстамъ черезполосныхъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ». Для осуществленія этихъ «улучшеній» нѣтъ причинъ заключать заемъ подъ залогъ надѣльной земли, такъ какъ никакихъ серьзныхъ затратъ, кромѣ расхода на составленіе тѣхъ же плановъ, для этого не предвидится. Разрѣшеніе закона обременять надѣльную землю гипотечнымъ долгомъ для такой цѣли опять-таки только приманка, которою желаютъ прельстить крестьянъ перейти къ личной собственности и заставить одновременно съ тѣмъ произвести округленіе, арондированіе своихъ владѣній. Безспорно, выходъ изъ общины и возможное соединеніе полосъ, какъ мы видѣли, рекомендуется производить одновременно. Но такая радикальная мѣра должна быть предпринимаема съ осторожностью, по самому тщательному соображенію мѣстныхъ условій. Для собственника можетъ быть иногда удобно и выго-

дно имѣть принадлежащія ему земли въ отрубныхъ участкахъ, но такое владѣніе можетъ, по мѣстнымъ условіямъ, оказаться и далеко не всегда удобнымъ. Проф. К. Эгебергъ (Bäuerliche Verhältnisse in Niederbayern, Oberpfalz и. т. д. Schriften des Vereins für Socialpolitik), говоря о причинахъ, почему въ Баваріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, процессъ аррондированія участковъ не имѣетъ значительнаго распространенія, останавливается на причинахъ общихъ и частныхъ. «Если бы, замѣчаетъ онъ,—всѣ расчеты гг. чиновниковъ относительно выгодъ, проистекающихъ изъ аррондированія, и соотвѣтствовали дѣйствительности, ходъ аррондированія не ускорился бы все таки,—частью по недостаткамъ, свойственнымъ самому закону, а частью по мѣстнымъ причинамъ, побороть которыя было бы весьма трудно, особенно во Франконіи». Останавливаясь на нихъ, онъ относитъ къ ихъ числу условія почвенныя и конфигурацію мѣстности, не благопріятствующую округленію владѣній. Съ такими условіями, препятствующими соединенію полосъ въ отрубные участки, необходимо всегда считаться, и безъ подробнаго, предварительнаго обслѣдованія, нельзя рекомендовать селенію приступать къ аррондированію. Привлекать же населеніе къ тому денежными посулами едва ли достойно правительства, и совершенно непозволительно выдавать такія преміи, въ видѣ суммъ, получающихся посредствомъ залога надѣльныхъ земель. Разрѣшая заключать займы этого рода, въ сущности вовсе не вызываемые задуманнымъ измѣненіемъ въ земле пользованіи, на которое въ дѣйствительности не требуется никакихъ затратъ, законъ этимъ разрѣшеніемъ даетъ лишь поводъ всѣмъ болѣе слабымъ, нуждающимся, подъ предлогомъ улучшенія землепользованія, добыть деньги на разнообразныя нужды домашняго обихода.

Средства, и очень большія, потребуются для осуществленія идеальнаго плана правительства— для «разселенія» обществъ на отдѣльные отрубы или хутора. Фантастическая мысль о такомъ коренномъ измѣненіи условій нашей сельской жизни, о замѣнѣ деревень хуторами вовсе несоотвѣтствуетъ нравамъ населенія значительной части нашего отечества, но ее давно уже стараются привить у насъ. Не обращая вниманія на дѣйствительныя условія, — на условія климатическія и почвенныя, люди, привыкшіе къ произвольному распланированію жизни по шаблону, привыкшіе къ игнорированію всѣхъ особенностей бытовыхъ и мѣстныхъ, будутъ склонны искусственно вызывать выселеніе на отрубные участки. Одною изъ такихъ искусственныхъ мѣръ можетъ оказаться разрѣшаемый лит. б. п. 3 ст. 7 кредитъ подъ залогъ надѣльной земли «при разселеніи обществъ на отдѣльные поселки или хутора». Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что предложеніемъ этой статьи соблазнятся и такія селенія, которыя расположены въ районахъ, гдѣ, по техническимъ условіямъ, хуторское хозяйство на небольшихъ клокахъ земли не можетъ идти сколько нибудь успѣшно. Возможно, что къ этому способу займа обратятся и тѣ изъ захудалыхъ, стѣсненныхъ въ землѣ обществъ, которымъ нужны средства для покрытія неотложныхъ текущихъ нуждъ, пожалуй, даже для уплаты за аренду земли. Они рѣшатся на выселеніе изъ деревень, совсѣмъ не ради цѣлей агрикультурныхъ, для осуществленія которыхъ у нихъ въ дѣйствительности нѣтъ ни охоты, ни мощи, а единственно для того, чтобы получить нужныя имъ для жизни денежныя средства. Эти послѣднія въ такомъ случаѣ не пойдутъ на постройки и обзаведеніе въ новыхъ мѣстахъ поселенія, а получатъ иное назначеніе, ничего

общаго съ такимъ устройствомъ не имѣющее.

Когда говорятъ о вредномъ вліяніи на сельское хозяйство системы поселенія въ деревняхъ, то при этомъ обычно обращается мало вниманія на дѣйствительную жизнь и на истинныя потребности ея. Между тѣмъ, въ разныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества существующій типъ селеній весьма неоднороденъ: въ сѣверныхъ губерніяхъ средній размѣръ селеній составляетъ 12 дворовъ, а въ губерніяхъ южныхъ и восточныхъ—нѣсколько сотенъ дворовъ. Послѣдствія этихъ различныхъ цифръ очень существенны, такъ какъ недостатки, свойственные крупнымъ поселеніямъ, совсѣмъ отсутствуютъ въ болѣе мелкихъ поселкахъ—обычныхъ сѣвернымъ губерніямъ, и нѣкоторымъ центральнымъ, а также приозерному району. Если слишкомъ большія селенія, насчитывающія по 1.000 и болѣе обитателей (въ Полтавской губ. не мало селеній съ 3.000 жит., въ Харьковской—отъ 2.000 до 3.000 жит.), оказываются, по той или другой причинѣ, не удобными въ сельско хозяйственномъ отношеніи, то замѣченныя здѣсь неудобства не могутъ быть переносимы на поселенія совсѣмъ другого типа, на тѣ мелкія поселенія, которыя очень близки къ Weiler'амъ Германіи. Безспорно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезно разселеніе жителей изъ слишкомъ большихъ селеній въ болѣе мелкія, но такое выселеніе не должно быть вызываемо искусственно, и его нельзя производить на средства, добываемыя путемъ залога надѣльной земли. Если существуетъ серьезное намѣреніе оказать помощь крестьянамъ, рѣшающимся на разселеніе болѣе мелкими поселками, то такую помощь надо оказывать изъ спеціально назначеннаго для того источника, и безусловно недопустимо производить эксперименты такого рода на деньги, вырученныя путемъ залога един-

ственнаго фонда крестьянскаго существованія, путемъ обремененія земли гипотечнымъ долгомъ. Но, повторяю, ничѣмъ не можетъ быть оправдано разрѣшеніе заключать такіе опасные займы съ цѣлью разселенія крестьянъ по отдѣльнымъ хуторамъ: дозволять, ради сомнительныхъ предпріятій этого рода, закладывать надѣльную землю, — значитъ поступать въ высокой степени неосмотрительно и рисковать фондомъ, который признанъ самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ «имѣющимъ государственное значеніе и служащимъ обезпеченіемъ быта крестьянъ».

Всѣ разсужденія о техническихъ выгодахъ, будто бы связанныхъ съ хуторскою формою поселенія, относятся въ сущности къ крупнымъ владѣніямъ и вовсе не соотвѣтствуютъ природѣ мелкихъ хозяйствъ. Увѣреніе, что при выселеніи въ хутора, на отрубные участки (Vereinödung, Abbau) непремѣнно и всегда появляются совершенные пріемы обработки земли, интенсивное хозяйство, — вовсе не отвѣчаетъ дѣйствительности. Многочисленные примѣры неопровержимо свидѣтельствуютъ, наоборотъ, о томъ, что крестьяне, живущіе въ деревняхъ и владѣющіе землею пополосно, ведутъ интенсивнѣйшее хозяйство, несмотря на то, что расположеніе полосъ селенія бываетъ не всегда особенно удобно. Въ какой мѣрѣ мала прямая зависимость системы хозяйства и успѣховъ агрикультуры отъ той или иной формы поселенія, ясно изъ примѣра тѣхъ мѣстностей Западной Европы, гдѣ поселенія хуторскія чередуются съ деревнями, находятся, такъ сказать, бокъ-о-бокъ и гдѣ обычно не замѣчается между тѣми и другими никакихъ существенныхъ различій ни въ системахъ полеводства, ни въ особой тщательности воздѣлыванія земли. При отсутствіи дѣйствительныхъ техническихъ выгодъ для крестьянскаго хозяйства отрубного владѣнія съ нимъ связаны, однако, зна-

чительныя неудобства въ смыслѣ соціальномъ, такъ какъ разселеніе по хуторамъ есть изолированіе хозяина, удаленіе изъ общества («um was dieser sich seinen Grundstücken nähert, um das entfernt er sich von den anderen Menschen» Dr. Walter Schiff—Oesterreichs Agrarpolitik... 1898); а потому, въ настоящее время, «повсюду разселеніе по хуторской системѣ, на отрубные участки, разсматривается, какъ мѣра совершенно исключительная». Къ такой исключительной мѣрѣ позволительно обращаться лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ, тщательно обоснованныхъ; но и тогда нельзя производить подобныхъ разселеній за счетъ самихъ крестьянъ и тѣмъ менѣе— на средства, вырученныя отъ залога ихъ надѣльныхъ земель. Если правительство не имѣетъ источника для оказанія пособія соглашающимся исполнить его желаніе, разселиться на хутора, если на это модное предпріятіе у правительства нѣтъ средствъ, то правильнѣе отказаться отъ осуществленія задуманнаго плана и не рисковать крестьянскимъ достояніемъ.

Но такой планъ разселенія на отрубные участки, планъ созданія у насъ хуторскихъ хозяйствъ, какое собственно имѣетъ онъ значеніе въ глазахъ правительства, и дѣйствительно ли оно разсчитываетъ на возможность осуществленія этого плана и на поднятіе нашего сельскаго хозяйства подобнымъ путемъ?

Хуторская или дворовая система (Hofsystem, Einödsystem на Югѣ) возможна при существованіи обычая или закона о недѣлимости владѣнія, когда оно остается «замкнутымъ» (geschlossen) и въ случаѣ наслѣдованія переходитъ къ одному, — по началу майората или минората. Такого обычая у насъ не существуетъ и такой практики единонаслѣдія не думаетъ установлять также на будущее время и вышепри-

веденный министерскій проектъ «Положенія о крестьянахъ». Въ ст. 26 его указывается, что въ тѣхъ случаяхъ, когда не доказано на судѣ существованіе мѣстныхъ обычаевъ, «къ наслѣдованію послѣ крестьянъ примѣняются общіе гражданскіе законы», причемъ, согласно ст. 27, «надѣльныя земли могутъ переходить и къ лицамъ непринадлежащимъ къ сельскому состоянію». По ст. 29, «лицу, владѣющему на правѣ собственности участками надѣльной земли, предоставляется завѣщать такіе участки одному или нѣсколькимъ изъ своихъ нисходящихъ или распредѣлять имъ между всѣми нисходящими, по своему усмотрѣнію, хотя бы, по мѣстнымъ обычаямъ и по общимъ гражданскимъ законамъ, подобныя завѣщательныя распоряженія не допускались». При такихъ постановленіяхъ о наслѣдованіи, понятно, немыслимо устойчивое и сколько нибудь продолжительное существованіе отрубного владѣнія. Когда земля дѣлится между всѣми сонаслѣдниками, хуторское или отрубное владѣніе, какъ общее правило, не просуществуетъ болѣе одного поколѣнія и, вмѣсто него, возникнетъ владѣніе пополосное, но уже совсѣмъ иного типа, чѣмъ то, которое наблюдается при общинномъ владѣніи; возникнетъ, всего вѣроятнѣе та спеціальная черезполосица, при которой неизбѣженъ принудительный сѣвооборотъ. Одновременно съ появленіемъ вновь пополоснаго владѣнія на отрубныхъ участкахъ появится также и дальнѣйшее слѣдствіе свободы дѣлимости: неравномѣрность въ доляхъ отдѣльныхъ лицъ, или, такъ наз., относительное малоземелье, со всѣми его невыгодными сторонами.

Указанный ходъ неизбѣженъ, и разрѣшеніе заключать займы подъ залогъ надѣльной земли при подобныхъ условіяхъ поведетъ только къ отягощенію крестьянскихъ надѣловъ гипотечнымъ долгомъ, бремя котораго будетъ тѣмъ не-

посильнѣе, чѣмъ неправильнѣе при переходахъ земли будетъ производиться дѣлежъ ея въ натурѣ и чѣмъ рѣзче будетъ выражено относительное малоземелье. Такимъ образомъ, дѣйствительными послѣдствіями свободы залога надѣльной земли явятся вовсе не улучшеніе землепользованія и совсѣмъ не подъемъ агрикультуры, а исключительно лишь зарожденіе мобилизаціи и переходъ земли изъ рукъ ея обезсиленныхъ обладателей въ собственность болѣе состоятельныхъ разрядовъ. Въ этомъ осуществленіи перехода крестьянской надѣльной земли въ собственность классовъ общества, до сихъ поръ неимѣвшихъ права присваивать эту землю, заключается главнѣйшее значеніе закона 15-го ноября. Переходъ этотъ долженъ совершиться, и потому ст. 19 указа весьма предусмотрительно провозглашаетъ, что «въ случаѣ продажи земель на вторыхъ торгахъ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть надѣльной землею, а также при оставленіи за банкомъ, вслѣдствіе несостоявшихся торговъ, земли эти приравниваются во всѣхъ отношеніяхъ къ землямъ частнаго владѣнія»..

Постановленіе это, послѣдовательно вытекающее изъ основной задачи указа 15 ноября, вполнѣ умѣстно, такъ какъ надѣльная земля, подъ вліяніемъ направленныхъ на нее землеустроительныхъ мѣропріятій всякихъ видовъ и наименованій, скоро перестанетъ быть таковой и уйдетъ изъ рукъ трудового крестьянства.

А. Посниковъ.

Тип. т-ва „Обществ. Польза“., Спб. Б Подъяч., 39.